

Роман «Синдикат» был воспринят разными людьми очень по-разному, иначе и быть не могло. И не дело автора разъяснять публике разницу между художественным текстом и реальностью или оправдываться перед организациями и ведомствами

Дина Рубина: «Россия и Израиль – это судьба, остальное – места проживания»

– Дина, готовится к выходу сборник ваших рассказов. В одном из интервью вы обещали, что это будут ваши путевые заметки. Они объединены каким-то общим смыслом, концепцией?

– Это, скорее, не путевые заметки, а все-таки новеллы о путешествиях в разные страны. Путевые заметки в чистом виде в наше, мягко говоря оживленное время вряд ли заинтересуют широкого читателя. В сердцевине каждой моей новеллы лежит некая «история» – история любви, история спасения, история гибели... словом, человеческая история, потому что, прежде всего, меня интересует человек с его страстями, страданиями и всеми движениями души. Сопровождать эти новеллы будут картины Бориса Карафелова – моего мужа, попутчика и персонажа моей прозы.

– Многие писатели признают, что писать повесть или роман проще, чем рассказ, – малая форма ограничивает в средствах выражения. Что проще писать вам?

– У каждого литературного жанра есть свои «стандарты строительства», свои законы, свой «вес». И не каждый, даже хороший писатель, мастер, например, рассказа или эссе, сможет «взять вес» романа – крупная форма всегда предполагает более широкий «фронт работ»: более глобальный охват видения, более философский взгляд на мир, требует архитектурных усилий интеллекта. В этом

смысле крупная форма с обилием сюжетных линий, типажей, развязок-завязок чрезвычайно трудна, даже физически тяжела. С другой стороны, малая форма именно ввиду своей малости легко охватываема взглядом читателя и должна быть выполнена филигранно: в ней видны малейшие шероховатости стиля. Когда я работаю над малой формой, у меня в мозгу происходит «переключение скоростей», я словно меняю линзы в бинокле. Разная работа, это правда. Я в такие периоды и читаю, в основном, тот «свой любимый размер», над которым трудится в данный момент воображение.

– Закончилась работа над экранизацией вашей книги «На Верхней Масловке». Ваше отношение к кинематографу сложно назвать позитивным после книги «Глаза героя крупным планом». Почему согласились на экранизацию?

– Фильм снят и получился, по слухам (я еще не видела), замечательным. Чему я очень рада. Это режиссер, Константин Худяков, просто убедил и победил меня. Когда он впервые

позвонил, я по телефону стала отговаривать его от этой затеи, но он оказался человеком мягким, интеллигентным, но с львиной хваткой. Настолько, что я засела за сценарий чуть ли не посреди работы над романом. Чертыхалась, плевалась, но – написала. Сейчас могу только предположить, какими путями шла работа в мое отсутствие.

– В картине играют Алиса Фрейндлих и Евгений Миронов. Зная творчество этих актеров, можно предположить, какими будут герои в их исполнении. О чем бы вам хотелось попросить актеров, как подкорректировать создаваемые ими образы?

– Знаете, я чрезвычайно щепетильна в вопросах творчества и никогда не позволила бы себе лезть в творческую кухню актеров или режиссера. В конце концов, литература – это литература, кино – совсем другой вид искусства, подчиняющийся своим законам. И такие блестящие мастера, как Алиса Фрейндлих, Евгений Миронов, Константин Худяков, не нуждаются в моей корректировке. В подобных делах

автор должен знать свой шесток. Что, разумеется, не исключает того, что какие-то моменты фильма мне могут и не понравиться. Но это уже будут проблемы для моего «внутреннего пользования».

– Евгений Миронов стал невероятно популярен благодаря сериалу «Идиот». Вы видели фильм? И как вообще относитесь к экранизациям?

– Видела несколько серий. Это блистательный актер независимо от того – кто, каким представлял себе героя Достоевского по прочитанному роману. Артист не может своим единственным лицом и единственной концепцией образа удовлетворить воображение всей читающей публики. Что касается экранизаций вообще... тут, конечно, моя авторская сущность стремится выдать свое профессиональное «фи!», но, повторяю, надо относиться к экранизациям просто как к другому виду искусства.

– Ваш роман-комикс «Синдикат» очень понравился российскому читателю. Сатирическое изображение еврейских ак-

тивистов точно отражает суть деятельности подобных организаций. Читателям, даже самым продвинутым, непросто объяснить, что художественный мир не имеет никакого отношения к реальности, а потому не обиделись ли на вас представители подобных ведомств?

– Роман «Синдикат» был воспринят разными людьми

очень по-разному, иначе и быть не могло. И не дело автора разъяснять публике разницу между художественным текстом и действительностью или оправдываться перед организациями и ведомствами. К слову, сотрудники многих организаций в личных письмах и даже звонках благодарили меня и восторженно отзывались о романе, – к этому я тоже от-

